

Е. И. КРУПНОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНГУШЕТИЯ

Год редакций

И. МАРКОВИНА и Р. М. МУНЧАЕВА

ПАМЯТИ АВТОРА

К глубочайшему сожалению, приходится предпослать настоящей монографии некролог, посвященный ее автору — Евгению Игнатьевичу Крупнову — выдающемуся советскому археологу и кавказоведу. Жизнь Е. И. Крупнова оборвалась в самом расцвете творческих сил. Он скончался скоропостижно 29 сентября 1970 г., как раз в тот самый момент, когда в издательстве «Наука» завершалось редактирование его большого и оригинального труда «Средневековая Ингушетия».

Своей активной и многогранной деятельностью Е. И. Крупнов вписал яркие страницы в историю развития советской археологической науки и кавказоведения. Его выдающийся научный труд «Древняя история Советского Кавказа», удостоенный Ленинской премии, вошел в золотой фонд нашей исторической науки.

Е. И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. на Северном Кавказе — в г. Моздоке — в семье служащего. Здесь, на берегу Терека прошло его детство и началась трудовая жизнь. В 1924 г. Е. И. Крупнов поступил на этнологическое отделение Северокавказского педагогического института в г. Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе). Через три года, в 1927 г. он перевелся оттуда на исторический факультет Московского государственного университета, где под руководством крупнейшего археолога В. А. Городцова, ставшего его учителем, занялся изучением истории и археологии Кавказа. После окончания университета, в 1930 г. Евгений Игнатьевич направляется на научную работу в Государственный Исторический музей. Он, как и многие другие видные советские археологи, прошел школу этого крупнейшего музея нашей страны, проработав здесь более 20 лет. Е. И. Крупнов был организатором и руководителем археологических экспедиций ГИМ на Кавказ, и в частности в Ингушетию. В ГИМ им были созданы и напечатаны первые научные труды, посвященные, кстати, древней и средневековой Ингушетии.

Но большая часть творческой жизни Е. И. Крупнова связана с Институтом археологии АН СССР, где он начал работать в 1937 г. С тех пор, не считая 1941—1945 гг., когда Е. И. Крупнов служил солдатом в рядах Советской Армии, до конца своей жизни он оставался сотрудником Института археологии АН СССР. Он работал здесь младшим, а затем старшим научным сотрудником, в течение десяти лет — с 1951 по 1960 г. — являлся

заместителем директора института, а последние восемь лет он возглавлял ведущий отдел института — сектор неолита и бронзы. В степях этого института Е. И. Крупнов вырос в крупнейшего советского кавказоведа и стал блестящим организатором археологической науки. Здесь развернулась его активная общественная деятельность и он создал свою школу, подготовив большой отряд квалифицированных специалистов по археологии, древней и средневековой истории Кавказа.

Научные интересы Е. И. Крупнова определились в конце 20-х годов, когда он начал участвовать в историко-этнографических экспедициях Ингушского научно-исследовательского института под руководством известного кавказоведа проф. Л. П. Семеева, светлой памяти которого, кстати, он и посвятил данный труд. С 1935 г. экспедиции в Ингушетию и другие области Северного Кавказа возглавлял сам Е. И. Крупнов. Он исследовал в Ингушетии значительную группу памятников материальной культуры, начиная с предкифского времени до позднего средневековья. Эти памятники получили детальное освещение в большой серии работ Е. И. Крупнова и легли в основу его монографии «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.» Это исследование, защищенное им в 1941 г. в качестве кандидатской диссертации, представляет собой первую в науке сводную работу по истории ингушей. Как раз составной частью ее, разумеется значительно расширенной и обогащенной новейшими данными, является настоящая книга о средневековой Ингушетии. В предисловии к ней Е. И. Крупнов подробно и восторженно рассказал о своих полевых исследованиях в Ингушетии и об истории создания своего труда.

Следует отметить, что в 30-х и 40-х годах Е. И. Крупнов опубликовал серию интересных и оригинальных работ, в которых проследил этапы древней истории ингушского народа. Настоящая же работа является как бы их закономерным продолжением и завершением.

Научная деятельность Е. И. Крупнова не ограничивалась изучением археологии и истории Ингушетии. В сфере его постоянных научных интересов находились также Закавказье, Дагестан и другие области Северного Кавказа.

Уже в середине 30-х годов он начинает широкие археологические исследования в Северной Осетии, увенчавшиеся замечательными открытиями. Достаточно сказать, что им был добыт здесь огромный новый материал, позволивший не только углубить на целых два тысячелетия историю этого края, но и убедительно доказать местные истоки кобанской культуры. Эта прославленная культура древних народов Северного Кавказа уже тогда привлекла пристальное внимание Евгения Игнатьевича, и в дальнейшем он посвятил около 30 лет своей жизни ее глубокому и всестороннему изучению. С его именем связаны исследования ряда широко известных ныне памятников этой культуры в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Итогом многолетних и систематических работ по изучению кобанской культуры явился фундаментальный труд Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», опубликованный в 1960 г. и успешно защищенный им на соискание ученой степени доктора исторических наук. В этом труде дана картина культурно-исторического и социально-экономического развития народов Северного

Кавказа в конце II—I тысячелетия до н. э. как часть общей истории Кавказа и всей Юго-Восточной Европы. Е. И. Крупнов в данной монографии разработал и ряд существенных вопросов, касающихся этногенеза северокавказских народов, древней истории и археологии Кавказа в целом, киммерийско-скифской проблемы и др. Работа Е. И. Крупнова стала настольной книгой для всех, кто интересуется древней историей нашей Родины. Она была удостоена в 1963 г. Ленинской премии.

Перу Е. И. Крупнова принадлежат около 200 научных работ. Они посвящены общим и частным вопросам археологии, древней и средневековой истории и культуры как отдельных областей Предкавказья, так и Кавказа в целом. Перечислить здесь даже часть из них не представляется возможным. Да в этом и нет большой необходимости, так как они все хорошо известны археологам и кавказоведам. Некоторые же из этих трудов мы тем не менее отметим, для того чтобы показать широту научных интересов Е. И. Крупнова и хотя бы в общих чертах тот огромный вклад в изучение истории и археологии Кавказа, который он внес.

В 1940 г. была опубликована работа Е. И. Крупнова «Каякентский могильник — памятник древней Албании». В ней Е. И. Крупнов убедительно доказал, что этот могильник, раскопанный в Дагестане еще в конце XIX в. и до него совершенно неизученный, характеризует культуру населения Северо-Восточного Кавказа эпохи поздней бронзы. Именно с тех пор эта культура стала называться в науке каякентско-хорочоевской. Кстати, здесь же можно указать на то, что трудами Е. И. Крупнова были открыты и другие новые страницы древней истории Дагестана. В частности, в 1948 г. им были начаты там раскопки Таркинского могильника, доказавшие впервые факт проникновения столь далеко на юг — в Прикаспийский Дагестан — сарматских племен. Это открытие явилось новой страницей в историко-археологическом изучении Кавказа.

Результатом широких полевых исследований, проведенных им в Кабардино-Балкарии в 1946—1949 гг., явилась значительная серия научных работ, опубликованных как в Москве, так и в Нальчике, в том числе крупная монография «Древняя история и культура Кабарды» и соответствующие разделы «Истории Кабардино-Балкарской АССР».

Он проводил полевые работы не только в горных и предгорных районах Северного Кавказа. Ему принадлежит исключительная заслуга в археологическом изучении (1946—1948, 1952, 1956 гг.) обширной и ныне полупустынной территории Северо-Западного Прикаспия. Именно благодаря его трудам удалось воссоздать общую картину развития Северо-Западного Прикаспия с древнейших времен до средневековья. Установив причины, приведшие к запустению этого интересного края, Е. И. Крупнов поставил большой важности вопрос об экономическом возрождении районов Северо-Западного Прикаспия и превращении их в цветущий очаг современного сельского хозяйства.

Кроме того, именно на материалах, полученных в этих районах, Е. И. Крупнов впервые в науке широко осветил вопросы взаимосвязей Предкавказья с культурами Северного Причерноморья и Поволжья в эпоху бронзы и последующие периоды исторического развития. А на материалах

раскопанных им средневековых памятников Северной Осетии (на Змейском катакомбном могильнике и Верхнеджулатском городище) в 1957—1962 гг. им в широком аспекте была разработана проблема связей Северного Кавказа с Древней Русью. Опубликовано, в частности, специальная работа, в которой ему удалось убедительно доказать, что упоминаемый в древнерусских летописях «славный яский город Дедаков» следует отождествлять с городищем Верхний Джулат.

Начиная с 1957 г. Е. И. Крупнов сосредоточил основные свои полевые работы в Чечено-Ингушетии, в особенности на территории собственно Чечни, которая являлась белым пятном на археологической карте Кавказа. Созданная им объединенная Северокавказская экспедиция провела значительные по масштабам исследования в плоскостных, предгорных и высокогорных районах Чечни и выявила здесь памятники всех исторических эпох, от палеолита до средневековья. В результате этот край стал одним из наиболее исследованных в археологических областях Кавказа, и тем самым в настоящее время уже появилась возможность создать историю Чечено-Ингушетии с древнейших времен. Кстати, Е. И. Крупнов является одним из авторов первых «Очерков по истории Чечено-Ингушетии», опубликованных в г. Грозном в 1966 г. Он же является автором и большого числа специальных работ по археологии Чечни, ряд из которых посвящен раскопанным под его непосредственным руководством Сержен-Юртовским поселениям (I и II), относящимся к эпохе ранней бронзы и кобанской культуре.

Е. И. Крупнов обращался всегда к исследованию нерешенных и кардинальных проблем истории и археологии Кавказа, таких, как, например, вопросы этногенеза кавказских народов. Всем кавказоведам хорошо известны труды Е. И. Крупнова, посвященные проблеме происхождения осетинского народа.

Особо следует отметить, что на основании новейших данных, полученных в результате раскопок памятников III тысячелетия до н. э. в Закавказье и на Северном Кавказе, Е. И. Крупнов впервые в науке поставил вопрос о древнейшей кавказской этнической общности. Выполненная им работа по данной проблеме опубликована в трудах XXVI Международного конгресса востоковедов, состоявшегося в 1964 г. в Дели, и в журнале «Советская археология» (№ 1, 1964 г.) и пользуется сейчас широкой известностью.

Е. И. Крупнова постоянно интересовали вопросы, касающиеся связей Кавказа с Древним Востоком. В частности, за свою работу «О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока», опубликованную в «Вестнике истории мировой культуры» (№ 1, 1958 г.), он был награжден в 1964 г. премией крупнейшего арабского (ливанского) поэта и общественного деятеля Саида Акля.

Е. И. Крупнова интересовали не только основные разделы археологии, древней и средневековой истории и культуры Кавказа, он занимался также изучением фольклора и декоративного искусства северокавказских народов и выступал со статьями, посвященными общим вопросам развития советской археологии. Последние два года Евгений Игнатьевич много внимания уделял работе над многотомным капитальным изданием «Архео-

логия СССР». Будучи редактором тома «Бронзовый век на территории СССР», он не только написал для него большую главу о культурах Кавказа начала I тысячелетия до н. э., но успел отредактировать весь сборник и буквально за несколько дней до смерти закончил общирное предисловие к нему.

Наряду с огромной научной и научно-организационной деятельностью Е. И. Крупнов проводил исключительно большую работу по подготовке научных кадров. Достаточно сказать, что ни один из ученых-кавказоведов не имел и не имеет столько учеников, сколько Е. И. Крупнов. Большой отряд его учеников сейчас успешно трудится как в Москве, так и во многих научных центрах союзных и автономных республик Кавказа. Несомненно, что, создав свою школу в археологии, он тем самым внес неоценимый вклад в развитие советского кавказоведения.

Е. И. Крупнов выезжал в научные командировки в ряд зарубежных стран — Ливан, Сирию, Турцию, Ирак, Индию и Югославию, где достойно представлял советскую науку.

Вся жизнь Е. И. Крупнова — этого кристально честного, принципиального и обаятельного человека — служит ярким примером беззаветного служения науке и выполнения высокого гражданского долга.

Почти 20 лет Е. И. Крупнов состоял членом КПСС. Как истинный коммунист, всегда строгий и требовательный к себе, он постоянно выполнял большую общественную работу. Он много лет работал членом местного ГИМ, неоднократно избирался в состав партбюро Института археологии АН СССР, был депутатом райсовета г. Москвы, в течение нескольких лет являлся заместителем Председателя экспертной комиссии ВАК по историческим наукам и научным консультантом «Большой советской энциклопедии». Особенно следует отметить огромную работу, которую проводил Е. И. Крупнов по спасению историко-археологических памятников нашей страны, активно сотрудничая во Всесоюзном обществе по охране памятников истории и культуры.

Многогранная научная и общественная деятельность Е. И. Крупнова была отмечена орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза, а также почетными грамотами Верховных Советов автономных республик Северного Кавказа. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балкарской АССР.

Ученый и гражданин, педагог и общественный деятель Е. И. Крупнов был большим патриотом своей Родины и вместе с тем подлинным интернационалистом. Всю свою яркую жизнь он отдал изучению истории и культуры народов Кавказа, к которым всегда проявлял глубокое уважение и искреннюю любовь. Е. И. Крупнов увековечил свое доброе имя, создав свою школу и многочисленные труды по истории кавказских народов, среди которых, в частности, особое место занимает его монографическое исследование «Средневековая Ингушетия». К сожалению, автор не сумел принять участия в работе над текстом в процессе редактирования его в издательстве. При оформлении рукописи к печати сохранен авторский текст, в него внесены лишь незначительные редакционные исправления.

Р. М. Мунчаев

*Дорогой для меня памяти
профессора Л. П. Семенова
посвящается эта книга*

От автора

Предлагаемая вниманию читателей монография по существу представляет собой первый обобщающий опыт освещения средневековой истории, хозяйства, общественного строя и духовной культуры небольшой ингушской народности, составляющей весьма значимую часть самого крупного на Северном Кавказе этнического массива, известного под названием чечено-ингушского, или вайнахского, народа. Чеченцев и ингушей, по данным переписи 1970 г., на территории СССР насчитывалось 771 тысяча, в том числе ингушей 158 тысяч.

Публикацией этой работы я выполняю, правда с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и в первую очередь перед ингушским народом. Историей и культурой этого народа я заинтересовался еще будучи студентом МГУ и участвуя в 1928—1930 гг. в археолого-этнографических экспедициях, возглавляемых проф. Л. П. Семеновым.

В 30-х годах нашего столетия территория Чечено-Ингушетии, особенно Чечни, была еще белым пятном на археологической карте Кавказа. Имеющаяся к тому времени преимущественно краеведческая литература далеко не полно, а иногда и противоречиво освещала историю и культуру коренного населения края — чеченцев и ингушей. Да и в методологическом отношении большинство исследований было несовершенным.

Выбор темы по истории Ингушетии определялся желанием подвергнуть разработке и дать усиленное освещение всех основных вопросов средневековой ингушской истории с максимальным привлечением памятников материальной культуры в качестве исторических источников.

Известна неравномерность исторического развития многонационального Кавказа, объясняемая чисто историческими причинами, в силу чего одни народы этого края давно уже образовали классовые общества и государственность, а другие оказались только на пороге этого. Но своеобразием истории и культуры отличаются все народы, как большие, так и малые. Поэтому все они в равной степени должны вызывать интерес исследователя. Это понимали передовые прогрессивные люди и дореволюционного периода.

Вот, например, что с упреком русскому обществу и с сожалением говорилось в редакционной статье первого номера газеты «Кавказ», основанной в Тифлисе в 1846 г.: «...у нас в России больше интересуются и знают

зарубежные страны, чем свое отечество». Эта статья призывала «изучать окраины России». Известно, писала газета, что Кавказ населяют «грузины, татары, армяне, гурийцы, осетины, лезгины, персиане, имеретины, тупины и многочисленные племена гор, и каждое из этих поколений имеет свой особый тип, свою физиономию, и физическую и нравственную.

Каждый говорит, думает, чувствует и понимает по-своему... Выявите в жизнь каждого из этих племен, разоблачите условия существования отдельных лиц — и Вас вознаградит за все высокий интерес!

В частной жизни грузина, татарина и кабардинца Вы найдете столько же содержания, сколько в жизни мастерового французской провинции или в жизни германского бурша, найдете, может быть, интерес еще больший; будете свидетелями драм жизни высоких, занимательных и патетических!»

Не увлекаясь патетической стороной дела, должен сказать, что я лично получил огромное удовлетворение, занимаясь научной разработкой вопросов, связанных с восстановлением средневекового хозяйства, истории и оригинальной культуры небольшого самобытного ингушского народа. Этому и посвящена данная работа.

В основе монографии кроме разнообразных данных, почерпнутых из обширной кавказоведческой литературы, лежат как ценные археолого-этнографические материалы, уже опубликованные И. П. Семеновым, так и мои собственные наблюдения и разыскания по истории и культуре всего вайнахского народа (ингушей и чеченцев). Эти наблюдения получены мною за время многолетних работ объединенной Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ) Института археологии Академии наук СССР, Государственного Исторического музея, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и республиканского Музея краеведения в Грозном, проведенных в различных районах Чечено-Ингушской АССР с 1935 по 1940 г. и с 1946 по 1967 г. включительно.

Узкой полосой в 111 км простирается Ингушетия с севера на юг в центральной части Северного Кавказа. На севере она граничит с Кабардино-Балкарской АССР, на юге Кавказский хребет отделяет ее от Грузинской ССР, на западе Ингушетия соприкасается по р. Терек с Северо-Осетинской АССР, наконец, с востока по р. Фортанге к ней примыкают районы, населенные чеченцами. Вся земельная площадь, занимаемая ингушами, ненамного превышает 3000 кв. км (рис. 1).

Вполне допустимо предположить, что у отдельных читателей может возникнуть сомнение в целесообразности скрупулезного изучения только части единого и большого этноса, а не всего народа в целом. Не узкая ли это тема для самостоятельного исследования? Предвидя эти вопросы, сразу отвечу категорическим — нет! И вот почему.

Во-первых, сама логика научной работы давно подтвердила правильность методического приема — вести любое исследование начиная от частного и переходя к общему. Во-вторых, известный опыт исторических обобщений по истории больших регионов или этнических групп и народов давно доказал целесообразность именно такого подхода. В-третьих, Чечня до последнего времени была совершенно не изучена в историко-археологи-

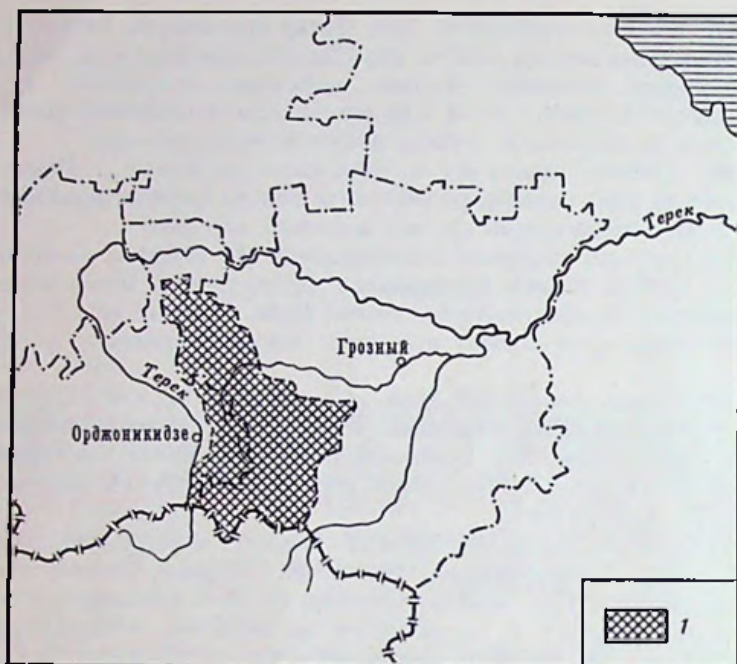

Рис. 1
Карта Чечено-Ингушской АССР
(I) территория, заселенная ингушами

ческом отношении. И наконец, для истории любого народа (даже при относительно малом числе исторических источников) весьма важна задача изучения отдельной территории и ее населения.

Вспомним опыт исследования истории восточного славянства. Только после монографического изучения отдельных средневековых племенных групп: вятичей, кривичей, дреговичей, радимичей, полян, северян и других восточнославянских племен — были установлены конкретные истоки и прослежен процесс сложения и формирования белорусского, русского и украинского народов. Такой же опыт известен из области изучения финно-угорских народов Поволжья, скажем мордвы. Так же протекало изучение народов Кавказа, например процесс сложения грузинского народа из отдельных племенных групп и народностей. В этом отношении очень показательны отдельные монографии С. И. Макалатия, посвященные хевсурам, лшавам, мтеульцам и другим народностям горной Грузии.

Вполне понятно, что ни один народ, большой или малый, в том числе и ингуши, не должен составлять исключения. Тем более что средневековые предки исторически слабо изученных ингушей, насколько известно, хотя и представляли собою отдельные племена кистов, галгаев и других со своими этнографическими чертами, тем не менее издавна были связаны

между собою единством происхождения, языка, материальной и духовной культуры и общностью исторической судьбы.

Разумеется, от внимания исследователя не должна ускользать и предшествующая история самой территории, независимо от того, связана ли органически эта территория с историей изучаемого народа или нет. В обоих случаях историк должен дать позитивные ответы на эти вопросы. Именно в таком плане и была мною задумана 30 лет тому назад работа, содержащая попытку последовательно, с глубокой древности проследить развитие исторического процесса на территории, именуемой Ингушетией. Называлась она «Очерки истории Ингулии с древнейших времен до XVIII века»¹. Эта монография объемом 12 авторских листов была завершена мною в 1940 г.² После двойного обсуждения в бывшем Ингушском научно-исследовательском институте в г. Орджоникидзе, в стенах Института археологии АН СССР и Государственного Исторического музея в Москве она была утверждена к опубликованию отдельным томом в серии «Труды ГИМ».

Летом 1941 г. в типографии изготавливались уже соответствующие клише. Но намеченное издание книги под редакцией проф. А. Я. Брюсова не состоялось из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

После окончания войны по ряду причин я не смог издать подготовленную к печати работу целиком. В «Археологическом сборнике» ГИМ в 1948 г. была опубликована лишь небольшая часть монографии, освещающая только древнюю и раннесредневековую историю населения Ингушетии³. Основная же часть, посвященная средневековой истории, непосредственно связанной с предками ингушей, осталась неизданной. В последующие годы мне пришлось заниматься разработкой других вопросов и я не имел реальной возможности целиком посвятить свое время только ингушской тематике.

Занятый другими научными вопросами, я был лишен возможности полностью отдалиться разработке позднесредневековых тем по ингушской истории, да и нового материала за истекшее время прибавилось не так много. При этих обстоятельствах я вынужден был ограничиться лишь тщательным просмотром и редактурой давно написанного текста, внесением в него ряда исправлений и дополнений, обусловленных необходимостью современного освещения изучаемых вопросов исторической наукой. Но я старался по возможности свести к минимуму все эти добавления и комментарии, чтобы особенно не увеличивать объема книги. Разумеется, был пополнен современной литературой и научный аппарат. Новой, отсутствующей в первом варианте монографии, является последняя глава, посвященная духовной культуре ингушей.

Таким образом, предлагаемая читателю работа содержит: исторический обзор, характеристику средневековой материальной культуры прямых

¹ В литературе распространено двойное название области, населенной ингушами: «Ингушетия» и «Ингулия». И хотя последнее название лингвистически более правильное, в быту и в печати преобладает первое — «Ингушетия». В дальнейшем и я буду его придерживаться.

² В 1939 г. в «Вестнике древней истории» № 2 была опубликована моя статья «К истории Ингулии», конспективно освещающая основные этапы истории этого края.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памят

предков ингушей, исторические сведения об ингушских племенах; в книге освещаются также проблема происхождения ингушей, состояние их хозяйства, общественного строя и первобытная идеология ингушских племен до XVIII в.

Пусть не посетует читатель, если по некоторым вопросам он не найдет в книге исчерпывающих ответов. Современное состояние источников и степень их изученности пока не всегда позволяют приходить к категорическим заключениям. Окончательное решение многих вопросов из ингушской истории — дело будущего, когда отдельные периоды и связанные с ними проблемы подвергнутся специальному монографическому исследованию.

Считаю себя обязанным с глубокой благодарностью отметить помощь и содействие в выполнении этой работы со стороны руководства и коллективов Института археологии АН СССР и Государственного Исторического музея, в стенах которых она выполнялась, а также основной состав Северокавказской археологической экспедиции, разделявший со мною все трудности экспедиционной работы. С особой признательностью я должен упомянуть и о помощи знатока ингушского языка и быта Н. Г. Ахриева, просмотревшего мою рукопись и сделавшего в ней ряд ценных замечаний.

С приятным чувством поспешно выполненного долга я и отдаю свой труд на суд читателей.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Ингушетия составляет сравнительно небольшую часть территории современной Чечено-Ингушской АССР. Ее изучение в любом плане неразрывно связано с изучением Чечни.

Первыми учеными, посетившими отдельные районы Северного Кавказа, в том числе и западную часть Чечено-Ингушетии, были академики Российской Академии наук И. А. Гюльденштедт (1770—1773 гг.)¹, П. С. Паллас (1793 и 1794 гг.)², Г. Ю. Клапрот (1807—1808 гг.)³ и др. Все они не ставили перед собой специальных археологических целей, не производили раскопок, а занимались общим историко-этнографическим описанием быта горцев Кавказа, в том числе осетин и ингушей. Тем не менее ими были отмечены некоторые наземные склеповые сооружения и боевые башни в предгорной зоне Северного Кавказа, в частности в долине р. Фортанги.

Первые археологические предметы, найденные в Чечено-Ингушетии в 1850 г. при земляных работах у бывш. крепости Воздвиженской на р. Аргуне и привлечение внимания ученых Н. В. Ханыкова и И. А. Бартоломея, представляли собой изделия из бронзы и железа⁴. Изданная статья явилась первой публикацией древностей Чечено-Ингушетии.

К сожалению, эти интересные, оригинальные украшения кобанского типа и позднее, когда уже были открыты замечательные кобанские могильники в Северной Осетии, не были восприняты археологами как точные сигналы о бытовании кобанской культуры и в Чечне, а не только в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Поэтому почти до самого последнего времени даже в кругах кавказоведов Чечня никогда не включалась в ареал теперь широко известной так называемой кобанской культуры позднебронзового века Центрального Кавказа.

Некоторое оживление в археологической работе в царской России наступило лишь с 1859 г. Оно было связано с созданием при императорском

¹ И. А. Гюльденштедт. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Bd. I-II. St. Petersburg, 1787-1791.

² P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. I. Leipzig, 1799.

³ J. Klaproth. Reise in der Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, Bd. I-II. Berlin und Halle, 1812-1814.

⁴ Н. В. Ханыков и И. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. I. 1856, стр. 50—60.

дворе специальной археологической комиссии, которая возглавила всю собирательскую и исследовательскую работу по археологии на всей российской территории. Тогда же была выработана и основная установка в археологических исследованиях — сбор и изучение в первую очередь так называемых классических (т. е. художественных образцов античной культуры) и христианских древностей. Естественно, что при таком подходе к отысканию и изучению памятников материальной культуры основное внимание археологов привлекли классические древности из районов Северного Причерноморья и Скифии, т. е. степной и лесостепной Украины. И совершенно обойденными вниманием оказались районы Северного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетия. Лишь в 1868 г. случайные находки бронзовых вещей и чеченские средневековые памятники были бегло описаны А. П. Ипполитовым ⁵.

Переломным моментом в развитии общего кавказоведения, особенно в историко-археологическом обследовании ряда районов Кавказского перешейка, явился V археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. Ему предшествовала хорошо организованная и успешно проведенная предварительная полевая работа почти на всем Кавказе; она была обусловлена открытием в ряде мест первоклассных древностей первобытной культуры. Раньше всего заслуживают упоминания случайные открытия в 1869 г. могильников у с. Кобан в Северной Осетии ⁶, ставших знаменитыми своей великолепной бронзой; открытие в 1870 г. огромного древнего Самтаврского кладбища близ г. Микхета ⁷, Ворпакского могильника в Армении в 1871 г. ⁸; обнаружение оригинального клада бронзовых и железных предметов на месте древнего культового места в с. Казбеги (Казбекский клад) в 1877 г. ⁹ и другие знаменательные археологические факты.

Интересные коллекции из этих археологических объектов были экспонированы на антропологической выставке в Москве, состоявшейся в 1878 г. в Политехническом музее. Они привлекли внимание научной общественности своей новизной и оригинальностью и послужили стимулом для активизации археологического обследования Кавказа.

В порядке подготовки к V археологическому съезду на Северном Кавказе была проведена серия полевых экспедиционных работ. Одной из этих экспедиций были обследованы и некоторые районы Чечено-Ингушетии и даже произведены первые научные раскопки памятников материальной культуры.

По поручению подготовительного комитета съезда В. Б. Антонович ¹⁰ и В. Л. Берештам ¹¹ в 1879 г. произвели раскопки нескольких курганов

⁵ А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССНГ, т. I. Тифлис, 1868, стр. 49.

⁶ «Museum Caucasicum», т. V. Тифлис, 1902; Н. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900.

⁷ Ф. Вайерн. Исследование древних гробниц близ д. Микхета летом 1871 г. ССК, т. II. Тифлис, 1872, стр. 326—336; Г. А. Домтатидзе. Археологические раскопки в Микхета. Тбилиси, 1955, стр. 12.

⁸ В. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 5.

⁹ Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре в Осетии. «Протоколы заседания Комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», № 20. М., 1878.

¹⁰ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. «V археологический съезд. Протоколы подготовительного комитета». Тифлис, 1879, стр. 216.

¹¹ В. Л. Берештам. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году. Там же, стр. 298.

в плоскостных районах Чечено-Ингушетии, близ с. Базоркина, Назрань и в других пунктах. Судя по дневниковым данным, курган № 1 у с. Базоркино и курган № 2 у с. Назрань, исследованные В. Б. Антоновичем, должны относиться к эпохе бронзы¹². Все же другие раскопанные в этих районах невысокие курганы (до 0,70 м) содержали погребения в дубовых колодах или гробах с явными признаками распавшихся железных предметов (кресала, наконечники стрел, сабли), что и позволяет уверенно связывать их с проникновением адыгских (точнее, кабардинских) этнических элементов на Восток и датировать XIV—XV вв.¹³ В Государственном музее Грузии хранятся несколько мало выразительных для точного определения предметов (каменные бусы, бронзовая спираль и камень), с паспортом «из курганов у сел. Базоркино»¹⁴.

К сожалению, иногда довольно обстоятельно составленные полевые отчеты о проведенных в этот период на Кавказе археологических исследований при их публикации в «Трудах V археологического съезда» не сопровождались необходимым иллюстративным материалом (рисунки найденных предметов и графика), что нередко затрудняет верное восприятие упоминаемых памятников.

Говоря о V Всероссийском археологическом съезде 1881 г., нельзя не признать его огромной организационной роли в изучении всего Кавказа, и в частности в изучении Северного Кавказа. Включенными в программу заседаний и обсужденными докладами съезд возбудил в широких научных кругах общий интерес к этому замечательному краю как в нашей стране, так и за границей. Безусловно, съезд оказал самое благотворное воздействие на дальнейшее направление историко-археологических исследований и судьбы кавказоведения в целом.

По существу именно съездом были намечены задачи дальнейшего изучения края, основанные на первой научной оценке появившихся тогда перед лицом науки первоклассных древностей позднебронзовых культур Грузии и Кавказа. Именно съезд вызвал появление у нас и за рубежом первых и значительных трудов по описанию первобытных древностей Кавказа и первые попытки их сравнительного изучения. Я имею в виду появление в печати крупных монографий: выдающегося немецкого ученого Рудольфа Вирхола¹⁵, французского археолога Эрнеста Шантра¹⁶ и, наконец, первое солидное издание материалов из могильников Северной Осетии, выполненное П. С. Уваровой¹⁷. Этими трудами была окончательно закреплена мировая известность оригинальных памятников кобанской культуры из центральных районов Северного Кавказа.

Вместе с тем нельзя не признать, что, хотя последующие, 80-е годы XIX столетия и характеризуются некоторым оживлением археологического изучения Северного Кавказа, вызванным влиянием V археологического

¹² Е. Н. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Суффж. ТГИИ, вып. XVII. М., 1948, стр. 10.

съезда, почти все районы Северо-Восточного Кавказа, и в частности Чечено-Ингушетия, по-прежнему мало привлекали исследователей. Только в 1886 г. в высокогорные районы теперешней Чечено-Ингушетии направляется первая серьезная археологическая экспедиция Московского археологического общества под руководством известного кавказоведа проф. В. Ф. Миллера. Экспедиция проводила работы в верховьях бассейнов рек Ассы, Сунжи и Терека и собрала обильные и разнообразные материалы, которые позволили В. Ф. Миллеру научно оценить важное значение поздних и средневековых сооружений (башни, склепы и христианские храмы). Научные итоги экспедиции 1886 г. были освещены главой экспедиции в первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа»¹⁸.

К сожалению, в заключительной главе этого ценного труда проф. В. Ф. Миллер высказал ошибочное заключение о якобы извечной культурной отсталости народов Кавказа¹⁹. Позднее это мнение было развенчано выдающимся русским археологом В. А. Городцовым²⁰, а затем полностью опровергнуто всем дальнейшим опытом изучения археологии Кавказа²¹.

Здесь уместно будет вспомнить, что с того же 1886 г. начинается плодотворная деятельность на Северном Кавказе одного из пионеров местного краеведения, преподавателя Владикавказского реального училища В. И. Долбежева. По поручению археологической комиссии В. И. Долбежев в течение 20 лет (с 1884 по 1904 г.) проводил большие разведочные и стационарные работы по изучению разнообразных памятников материальной культуры Северного Кавказа, начиная с эпохи бронзы и кончая средневековым периодом. Территориально его работами были охвачены районы Северного Кавказа от Пятигорья, Кабарды и Балкарии до Дагестана включительно и от предгорий Терского хребта до высокогорных пунктов Грузии (с. Тли и др.).

О плодотворной археологической деятельности В. И. Долбежева написан обстоятельный очерк проф. Л. П. Семеновым²². Это обстоятельство избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на полевых работах этого энтузиаста археолога.

В. И. Долбежев провел очень ценные разыскания и в ряде районов теперешней Чечено-Ингушетии. Так, в 1890 г. он впервые обнаружил и исследовал на правом берегу р. Терека, в ущелье р. Арм-хи у с. Гоуст (Гоуздок) катакомбные захоронения аланского типа раннесредневекового периода²³. В следующем году им были исследованы памятники разных стадий эпохи бронзы: подкурганные погребения у с. Москеты и особенно интересный комплекс из кургана, вскрытого близ станции Нестеровской²⁴. Еще раньше, в 1882 г., вместе с Д. Н. Анучиным он посетил Аргунское ущелье²⁵. Им исследованы также интереснейшие грунтовые

¹⁸ В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, том. I. М., 1888.

¹⁹ Там же, стр. 111—113.

могильники скифского времени в предгорном районе Ингушетии, близ селений Кескем и Пседахи ²⁴, правильно разделенные им на две хронологические группы. В последующие годы В. И. Долбежовым были обследованы курганные группы «Науруз-Барц» и др. ²⁵

Ему принадлежит также попытка первого исторического освещения быта и культуры носителей кобанской культуры. В специальной статье о кобанской бронзе, которая, как показал опыт дальнейшего изучения Северного Кавказа, была распространена и на территории Ингушетии и даже Чечни, В. И. Долбежов высказал ряд верных заключений, не потерявших своего значения и до наших дней ²⁶.

Довольно крупные для того времени раскопочные работы в разных пунктах Северного Кавказа были произведены в 1888 г. председателем археологической комиссии А. А. Бобринским ²⁷.

Наибольший интерес вызывают исследование А. А. Бобринского, проведенные им в Алхан-Чуртской засушливой долине. Здесь, в районе г. Грозного и селений Алхан-Юрт, Алды, Куляры и далее на юго-запад до с. Урус-Мартан им было зафиксировано огромное количество курганных насыпей. Значительным итогом этих работ было обнаружение на левом берегу р. Суны большого городища недалеко от с. Алхан-Кала, привлечение внимания исследователей лишь в советские годы ²⁸. Ряд раскопанных курганов содержал интересные комплексы скифской и сарматской культур.

Тогда же несколько курганов было раскопано П. С. Уваровой в районе г. Грозного ²⁹. В одном из курганов у с. Куляры местными жителями была найдена золотая гривна, состоящая из прута с заходящими друг за друга концами в виде тройных гогов животных с разинутой пастью. Это украшение, выполненное в позднескифском или раннесарматском стиле VI—V вв. до н. э., было приобретено П. С. Уваровой и передано на хранение в Государственный Исторический музей ³⁰.

Приблизительно с 1888 г. в различных районах б. Терской области начинают вести собирательскую, а иногда и раскопочную работу любители археологии и этнографии, по преимуществу представители местной военной администрации. Таким любителем местных древностей оказался и помощник начальника Грозненского военного округа Н. С. Семенов. Его деятельность сосредоточивалась в пределах Грозненского района, а сообщения о результатах его археологических разысканий печатались в газете «Терские ведомости».

В первые годы XX в. некоторую активность стали проявлять представители терского областного статистического комитета и областного музея, основанного во Владикавказе в 1897 г. и ставшего средоточием добываемых местных древностей. Так, секретарь терского статистического комитета

²⁴ ОАК за 1898 г., стр. 157—162.

²⁵ ОАК за 1907

Г. В. Вертепов в течение 1900 и 1901 гг. раскопал близ с. Урус-Мартан более двух десятков курганов в урочищах «Апи-Ирзо» и «Бойси-Ирзо»³³. Раскопки дали интересные коллекции находок скифского времени. Материал поступил в Государственный Эрмитаж и уже в советское время подвергся специальному изучению О. А. Артамоновой-Подтавцевой³⁴. Г. В. Вертеповым раскопаны также древние курганы и у с. Закап-Юрт³⁵.

В последующие десятилетия на Северном Кавказе, в том числе и на территории нынешней Чечено-Ингушетии, никаких значительных археологических работ не производилось. Исключением являются полевые разыскания, проведенные накануне первой мировой войны в разных районах края представителем местной военной администрации подесаулом Ф. С. Панкратовым. Итоги своих полевых работ он систематически публиковал под псевдонимом «Ф. С. Гребенец» в 1912—1914 гг. в газете «Терские ведомости». Особый интерес представляют открытые им захоронения богатых аланских воинов VIII—IX вв. у бывш. станицы Фельдмаринальской у входа в Ассинское ущелье³⁶. Материал этих раскопок хранится в Грозненском музее краеведения. Великолепные наборы оружия и конского снаряжения не раз привлекали внимание исследователей и подвергались специальному изучению проф. А. А. Захаровым уже в советские годы³⁷.

Коренной перелом в изучении края наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции, после возникновения в национальных городских центрах первых вузов, музеев и научно-исследовательских учреждений.

Еще в период гражданской войны на Кавказе в 1919 г. археологом М. А. Радичевым были обследованы окрестности г. Владикавказа и даже вскрыты два кургана эпохи бронзы³⁸. В 20-х годах горные районы Чечни посетил австрийский любитель древностей Бруно Плечке, который обстоятельно описал средневековые памятники материальной культуры в специальной работе «Чеченцы»³⁹.

Особо нужно отметить плодотворную работу проф. Л. П. Семенова. Начиная с 1920—1921 гг. и вплоть до второй мировой войны на территории Ингушетии и современной Северо-Осетинской АССР под его руководством развернулась планомерная и систематически проводившаяся экспедиционная работа.

В полевых изысканиях активное участие принимали художник-архитектор И. П. Щерблякин, художник Х. Б. Ахриев и др. В отличие от практики своих предшественников, Л. П. Семенов особое внимание уделял изучению бытовых памятников средневекового периода. В результате многолетних работ этой экспедиции в горных районах Ингушетии и Север-

³³ ОАК за 1900 г., стр. 54; ОАК за 1901 г., стр. 86.

³⁴ О. А. Артамонова-Подтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 19

ной Осетии средневековые памятники этих районов оказались лучше изученными, чем в других пунктах Северного Кавказа. Об итогах работ участниками экспедиции написан ряд статей⁴⁰, получивших довольно высокую оценку в печати⁴¹.

В 30-х годах в изучение Чечено-Ингушетии активно включаются археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея. Начиная с 1936 г. успешную полевую работу в Чечне проводят от ГАИМК проф. М. И. Артамонов, А. П. Круглов, Ю. В. Подгаецкий, А. В. Матинский, С. Н. Аносов и др.⁴² Важнейшим итогом экспедиции ГАИМК явилось открытие и исследование раннесредневекового катакомбного могильника у с. Дуба-Юрт и более древнего могильника у с. Харачой⁴³. Его богатейшие материалы вместе с материалами из ранее открытого еще В. И. Долбежевым Каякентского могильника в Дагестане позволили выявить в Северо-Восточном Дагестане новую, ранее неизвестную так называемую каякентско-харачовскую культуру позднего бронзового века⁴⁴. Этим был внесен крупный вклад в древнюю историю Чечни и Дагестана и в кавказоведение в целом. Экспедицией были также заложены разведочные раскопы на Алхан-Калинском городище и раскопана группа позднесарматских курганов⁴⁵.

Гибель А. П. Круглова, С. Н. Аносова, Ю. В. Подгаецкого и А. В. Матинского во время Великой Отечественной войны прервала так успешно начатые археологические исследования ГАИМК в Чечне.

Продолжателями работ по исследованию присунженских городищ и Алхан-Кала в известной степени стали Т. М. Минаева, Н. И. Штанько и М. П. Севостьянов, которые в послевоенные годы провели очень результативные разведочные работы в Грозненском и других районах края⁴⁶.

Начиная с 1935 г. и до последних лет (с перерывом, вызванным Великой Отечественной войной) на территории Чечено-Ингушской и других республик Северного Кавказа работала Северокавказская археологическая экспедиция Государственного Исторического музея, а позднее — Института археологии Академии наук СССР под руководством автора этих строк. Экспедиция всегда действовала в контакте с местными научно-исследовательскими институтами и музеями и по существу являлась объединенной экспедицией Института археологии и местных учреждений.

⁴⁰ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963; Л. П. Семенов. Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры. ИИИИМК, т. I. Владивосток, 1928.

⁴¹ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. ЭЧИНИИ, т. I. Грозный, 1936; Е. И. Крупнов. Рецензия на т. XII «Известий Северо-Осетинского научно-исследовательского института». Сб., 1950, № 4, стр. 213.

Свои полевые изыскания экспедиция проводила по разработанной программе, охватывающей широкую проблематику, начиная от задачи выяснения времени и условий первого заселения края человеком и кончая вопросами этногенеза и формирования культуры современного коренного населения от времени палеолита до позднего средневековья.

Северокавказская археологическая экспедиция работала в составе 3—5 отрядов, руководимых Р. М. Мунчаевым, В. И. Марковым, Н. Я. Мерпертом, В. Б. Виноградовым, В. А. Кузнецовым, В. И. Козешковой, О. В. Милорадович и др. В процессе работы экспедиции готовились научные кадры археологов — представителей местных национальностей (С. Т. Умаров, М. Х. Багаев, М. Х. Ошаев, Т. Б. Тургиев, М. Б. Мужухов). Научные итоги деятельности экспедиции изложены в различных статьях, брошюрах и монографиях. Экспедиция имеет уже свою собственную библиографию, насчитывающую более сотни названий. Поэтому здесь целесообразнее отослать читателей к монографиям участников СКАЭ⁴⁷. Коллективом экспедиции в 1963 г. издан специальный сборник о древностях Чечено-Ингушской АССР⁴⁸.

Учитывая слабую изученность Чечни, экспедиция особое внимание уделяла изысканиям на территории восточной части республики. Главным итогом работы явилось открытие здесь следов каменного века, памятников всех этапов бронзового века — куро-аракской, майкопской, кобанской и других культур, ранее неизвестных на территории Чечено-Ингушетии.

Нельзя не сказать и о полевой работе, выполненной экспедицией в высокогорных районах Чечни. Впервые научно был описан уникальный «городок мертвых» в урочище «Цой-пеле» и другие архитектурные комплексы (башни, склепы, святилища) в Аргунском ущелье, в районе озер Кезеной-Ам и Галацхож⁴⁹. Во время полевой работы были отмечены некоторые локальные черты и особенности в архитектурном зодчестве чеченцев и ингушей. Наряду с этим было подтверждено и единство материальной и духовной культуры этих двух слагаемых вайнахского народа. С древнейших времен культура чеченцев и ингушей развивалась на единой основе. Конечно, следует признать, что разработка средневековой тематики далека еще от завершения даже в полевом отношении, начатые

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа; он же. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100. М., 1961; В. И. Марков. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93. М., 1960; он же. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; он же. Дагестан и горная Чечня в древности. МИА, № 122. М., 1968; он же. В стране вайнахов. М., 1969; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. ТЧИН, т. VI. Грозный, 1963; он же. Тайны ингушских времен. М., 1966; В

СКАЭ работы в высокогорной зоне должны быть продолжены археологами-медиевистами.

В результате длительного археологического изучения Чечено-Ингушетии собран значительный материал и накоплен первый опыт по созданию сводной научной истории этой республики. Этот опыт, основанный главным образом на данных экспедиции последних двух десятилетий, нашел отражение в первых главах I тома «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», изданного в Грозном в 1968 г. Содержанием тома в какой-то степени проявляется ряд важных вопросов местной истории, в том числе и самая животрепещущая проблема — происхождение коренного населения республики. По ряду признаков прослежена преемственность в материальной культуре современного населения от более древних времен, начиная с эпохи первого появления металла.

Эти данные вместе с показаниями антропологии, языкознания и этнографии позволяют считать, что культура вайнахских племен имеет глубокие местные корни, а сам вайнахский народ является одним из древнейших коренных этнических массивов Кавказа. Однако средневековая история и культура этого массива далеко еще не изучены. Данная монография является лишь первой попыткой автора дать подробное освещение этнической, социально-экономической истории и культуры части этого этнического массива. В монографии использованы и первые труды дореволюционных авторов, превосходных знатоков местного быта: ингуша Чаха Ахриева, чеченца Умалата Лаудаева, П. А. Головинского, И. Ф. Грабовского, А. П. Берге, Б. Далгата⁶⁰ и других, а также труды целого ряда советских исследователей⁶¹. Несомненно заслуживают внимания и раздел «Ингуши» в I томе «Народов Кавказа»⁶² и «Очерки этнографии горной Ингушетии», опубликованные в Тбилиси под редакцией А. И. Робакидзе во II «Кавказском этнографическом сборнике» в 1968 г., а также три тома археолого-этнографического сборника, опубликованные Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом языка и истории в последние годы⁶³.

Все содержащиеся в этих работах данные исторического характера много учтены и использованы в соответствующих главах монографии.

⁶⁰ Ч. Ахриев. Ингуши. ССКГ, т. VIII, Тифлис, 1875; У. Лаудаев. Чеченское племя. ССКГ, т. VI, Тифлис, 1872; П. А. Головинский. Чеченцы. ТС, вып. 1. Владикавказ, 1878; И. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа. ССКГ, т. III, Тифлис, 1870; А. П. Берге. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. ТС, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893; он же. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. ИИИИИ, т. IV, вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935.

⁶¹ И. Ф. Яковлев. Ингуши. Владикавказ, 1925; он же. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927; А. Н

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ ИНГУШАХ

Основным населением западных районов современной Чечено-Ингушской АССР являются ингуши. Вместе с чеченцами они образуют единую вайнахскую социалистическую нацию.

Современное название «ингуши» сравнительно недавнего происхождения. Впервые оно появилось в русских источниках не ранее второй половины XVIII в.¹ Оно происходит от названия селения «Онгуст» или «Ангуст» — одного из первых ингушских селений, основанного на «плоскости» (так в местных кругах называют равнины, заключенные между Терским или Суиженским кряжами и последующими лесистыми хребтами Кавказа). В более ранних документах этот этноним отсутствует. В них упоминаются другие племенные названия — «калы», «ероханские люди» или «акозы» — население «горских земель»².

Как известно, почти все народы входят в историю не под самоназванием, а под названиями, данными их соседями. По-видимому, название «ингуши» также было дано местным племенам русскими, подобно тому как в более раннее время предкам осетин, населяющих центральную часть Северного Кавказа, были присвоены названия «аланы», «овсы» и «ясы» византийскими греками, грузинами и русскими.

Постепенно название «ингуши» было перенесено на все родоплеменные образования, некогда известные как «галган», «кнсты», «цоринцы» и другие, объединенные с ними общей территорией и общностью языка и культуры.

Еще сравнительно недавно ингуши-горцы называли себя «ламур» или «лавро», что значит — горный житель (от «лам» — гора)³. Отдельные их группы, очевидно отдельные племена, имели в недалеком прошлом различные самоназвания: «галган», «кнсты», «фяппинцы», «цоринцы», «арштхойцы» и др. С течением времени, очевидно в силу социально-экономической значимости галгаевской племенной группы, обитавшей в Ассиинском ущелье — древнейшем центре ингушской культуры, имя этого пле-

¹ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. ЗКВ, т. V. Л., 1930, стр. 70.

² Этот вопрос обстоятельно освещен в монографии Е. Н. Кузевой (см.: Е. Н. Кузева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 64).

³ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 161.

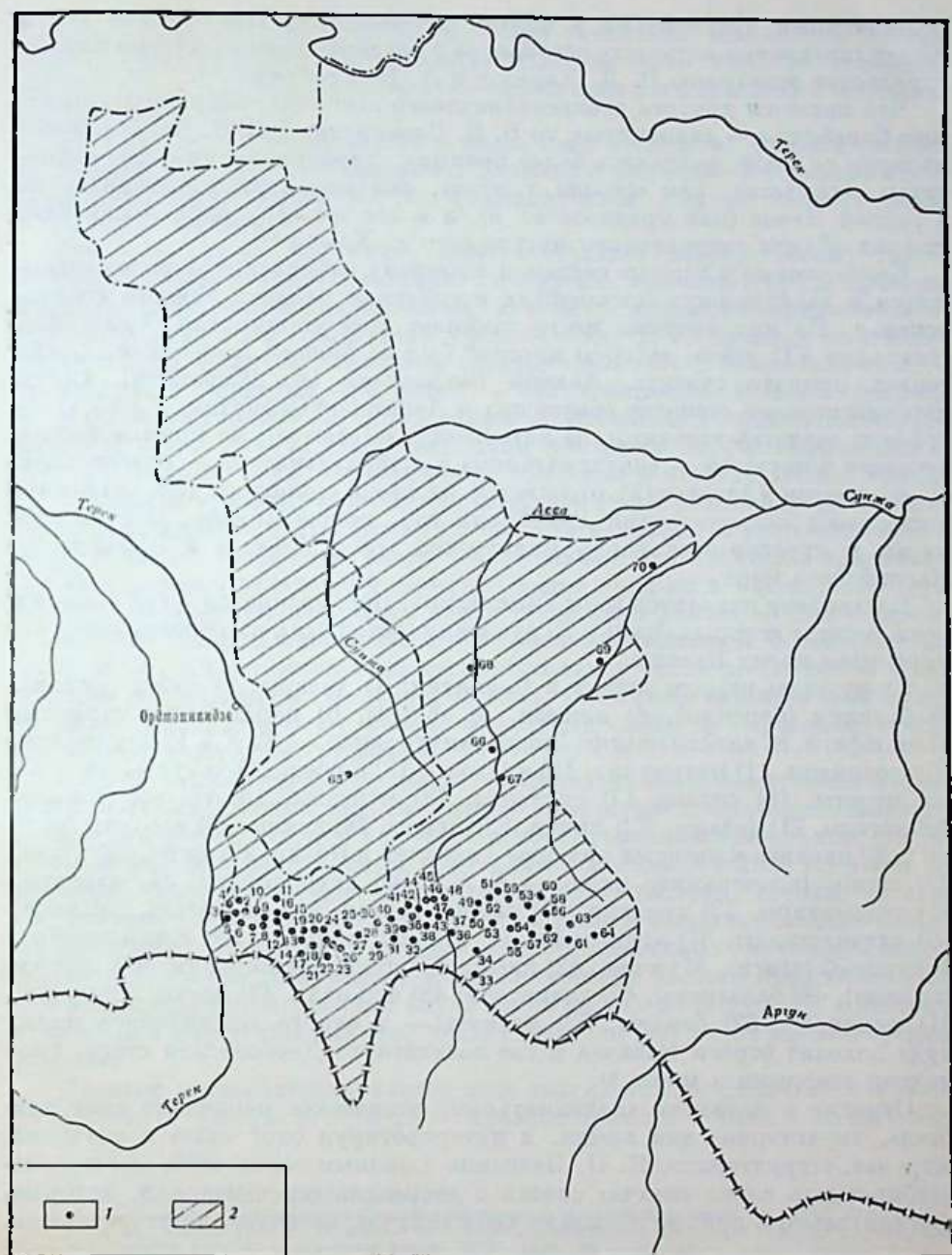

Рис. 4

Карта расселения ингушских племен в XVIII в.
(по А. П. Берже)

5. *Кисты*. Разделяются на ближних и дальних. Ближние расселены по ущельям Макалдона, а дальние — по ущельям р. Аргуна. Общество дальних кистин состояло в 1851 г. из 21 аула, 402 дворов, 3267 чел. (1620 мужчин и 1647 женщин).

Общество ближних кистин сосредоточено в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от Главного Кавказского хребта и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого р. Кистинка (Армхи) впадает в р. Терек. В этом обществе в 1967 г. считалось 32 аула; они большею частью расположены по берегам р. Кистинки. Самый большой аул Джерах состоит из 20 дворов.

6) *Галгаевцы*. Обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба-чочь, между кистинами, цоринцами и акинцами.

7) *Цоринцы*. Обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. В 1851 г. это общество состояло из двух больших и трех малых аулов (87 дворов, 774 чел., из которых 390 мужчин и 384 женщины).

8) *Акинцы*. А. П. Берже считает их ингушскими племенами. Но в настоящее время большинство историков, языковедов и этнографов

причисляют их к чеченцам⁵⁷, хотя, по мнению Н. Г. Ахриева, акинцы-горцы очень близки к ингушским племенам.

Такова картина расселения родственных между собою ингушских племен по данным более чем столетней давности. Ею фиксируется относительная этнографическая пестрота древневайнахского массива и отсутствие еще общего этнонима⁵⁸. Современный очень обстоятельный анализ письменных исторических, в том числе и нарративных, русских источников, произведенный Е. Н. Кушевой в монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв.», в основном подтвердил правильность приурочения отдельных ингушских обществ к определенным географическим микрорайонам изучаемой территории⁵⁹. Наряду с подтверждением старой локализации ингушских племен, по русским источникам были сделаны и некоторые уточнения таких синонимов, как «калки» — «галгаи» — «глигвы», «ероханские люди» — «Джерах» — «жарехи» — «Джарихи» и др. По справедливому заключению Е. Н. Кушевой, «центральное место по значению и местоположению в горной Ингушетии занимало общество галгаи, название которого имело и более широкое значение»⁶⁰.

Таким образом, в свете рассмотрения разнообразных исторических свидетельств, чечено-ингушские племена, значившиеся в древних исторических документах под именами «пахче», «кусты», «дзурдзукп», «глигвы», «галгаи», являются одними из древнейших народов Кавказа. Они принадлежат к восточной (дагестано-вайнахской) группе пберийско-кавказской языковой семьи⁶¹. В последнее время выявилась возможность установления более глубокой культурной подосновы происхождения общекавказского этнического массива, своими корнями уходящего еще в неолитическую эпоху⁶². Это придает новый аспект изучению и ингушской истории.

⁵⁷ Ю. Д. Дешерисс. Указ. соч., стр. 25; Н. Г. Волкова. О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века. ИЧННИИ, т. VII, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 90.

⁵⁸ Отмечаясь в грузинских источниках факты обобщения всех вайнахских племен под названиями «глигвы» или «дзурдзукп» вряд ли можно считать правильными. Только этноним «галга» является таковым для более позднего времени.

⁵⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 64; «Книга большому чертену». М.—Л., 1950, стр. 88.

⁶⁰ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 65.

⁶¹ См.: А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I. М., 1952, стр. 220; Г. А. Крайнов. К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими пберийско-кавказскими языками). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.

⁶² Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 26—44.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШЕЙ

Несмотря на трудности решения этногенетических проблем, попытки их постановки и разработки в современных общенсторических исследованиях вполне естественны и закономерны. Проблема происхождения того или иного народа настолько актуальна, что при любых условиях она встанет перед исследователем и потребует от него усиленного освещения.

В настоящее время общепризнанно считать, что проблема этногенеза — это прежде всего комплексная проблема. На течение этногенетического процесса действуют самые различные факторы, характеризующиеся определенными признаками, специфичными для материальной и духовной культуры народа. Только при должном учете показателей всех этих признаков, изучаемых целым рядом научных дисциплин (археология, этнография, антропология, история, языковедение), с большим правом можно надеяться на более или менее верное решение этногенетической проблемы.

Этот принцип комплексного использования всех возможных источников мы и положим в основу нашей попытки освещения вопроса о происхождении ингушей. Оговоримся сразу, что, поскольку предки чеченцев и ингушей исторически были тесно связаны между собой, в освещении этногенеза ингушей в ряде случаев одновременно будет затрагиваться и вопрос о происхождении чеченского народа как более многочисленной и, может быть, ведущей ветви единого вайнахского этнического массива.

Рассмотрим последовательно те теории и заключения о происхождении чеченцев и ингушей, которые существуют в исторической литературе и основаны главным образом на языковых данных.

Акад. П. С. Паллас, например, высказал предположение, что ингушские племена «кисты» являлись прямыми потомками алан¹. Основанием для такого суждения было наличие в кистинском наречии ингушского языка понятия семибожия («Ардауда»), выражаемого аланскими словами «вар» (семь) и «дада» (отец) или «дела» (бог). Как известно из «Перипла Черного моря» анонимного автора V в. и Скимпоса Хиосского², греческий

¹ См.: P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. I. Leipzig, 1799.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4.

